

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ФОРМАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ОПИСЫВАЮЩЕЙ ЗАГЛАВИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РАБОТ

По мнению Н.Б. Мечковской [2], деятельность современного лингвиста многими своими чертами напоминает игру в смысле Хейзинги. Как один из примеров Она рассматривает публикации языковедов, подразделяемые на две группы, которые неравны по количеству наименований и суммарному тиражу: с одной стороны, академические словари и грамматики, с другой стороны, исследовательские статьи и книги о языке и речи. Вторая группа публикаций названа «исключительно пестрой по названиям», и проводится мысль, что стратегиям озаглавливания лингвистических работ присущи игровые черты. Из аргументации Н.Б. Мечковской следует (хотя она и не говорит этого прямо), что множество заглавий всех книг, статей, конференционных докладов, созданных и создаваемых лингвистами, является, в принципе, бесконечным.

Помня об этой точке зрения, я попробую высказать ряд соображений в защиту следующего ограниченного тезиса: если даже все названия лингвистических работ, созданных и создаваемых с использованием принятой на сегодняшний день терминологии, не могут быть выведены в некоторой легко обозримой формальной системе, то существует по крайней мере один важный класс заглавий, который содержит конечное (пусть и очень большое) число элементов и при этом описывается простыми формальными правилами.

В начале своей монографии «Язык как система» В.А. Карпов цитирует высказывание Стеблина-Каменского: «Слово *система* почти превратилось в трудах наших лингвистов в слово, лишенное лексического значения» [1, с. 17]. Сам Карпов в понимании системы и системности шел вслед за Ю.А. Урманцевым, чьи идеи нельзя назвать вполне оригинальными: общая теория систем в варианте Урманцева (ОТСУ) занимается одним из типов сущностей, известных в математике гораздо ранее под именем исчислений или формализмов. Выше было сказано «формальная система» именно в смысле «исчисление». Ростом интереса к системам этого вида ознаменовался в математике рубеж XIX – XX вв., когда Д. Гильберт выдвинул программу аксиоматизации математики [4, с. 9–35]. В наиболее общем случае исчисление – набор, включающий четыре множества:

1. Какие-либо первичные элементы (скажем, буквы, слова, смыслы... – это множество может иметь определенную внутреннюю организацию, дробление).

2. Операции над элементами. В исчислениях, описывающих язык, обычно задана только одна операция сцепления строк.

3. Аксиомы – невыводимые правильно построенные объекты («формулы»).

4. Правила вывода, в соответствии с которыми из уже известных правильно построенных «формул» получаются новые.

Понятно, что каждым исчислением мотивирована совокупность всех «формул», которые в нем считаются правильно построенными, и эта совокупность конечная или (потенциально) бесконечная. Попробуем выстроить исчисление, «формулами» в котором будут заглавия лингвистических работ.

Такое мощное направление, как лингвистика текста, дало в последние годы немало публикаций с заглавиями вида *Безличные предложения в произведениях Чехова*, *Парцеллированные конструкции в рассказах Шукшина* и под. Мой опыт чтения научной литературы наводит на мысль, что класс заглавий, которые строятся по этому шаблону, не ограничивается только лингвистикой текста и что статус языковедческой работы, озаглавленной таким образом, бывает самым разным: от маленькой статьи до многотомного курса.

Рассмотрим несколько взятых почти наугад названий кандидатских диссертаций, которые были в 2009 г. защищены в разных городах России: *Словообразование глаголов в лакском языке* (С.Э. Шамсудинова); *Эллипсис в современном французском языке* (А.А. Ларькина); *Коннотативные аспекты семантики личных имен* (О.В. Кисель); *Семантика и прагматика девизов на монетах* (М.С. Барышников); *Акцентная система языка Юрия Крижанича* (М.В. Ослон); *Языковые средства выражения времени в поэзии Бориса Пастернака* (Е.В. Макаровская). Названия этих диссертаций, посвященных разным отраслям (от фонетики до синтаксиса), построены принципиально одинаково: «Явление *A* в материале *B*». Несомненно, это лишь один из структурных типов заглавий, но один из ключевых: так, к нему сводятся заглавия 13-ти из 46 докладов в сборнике III чтений памяти В.А. Карпова [6].

Исчисление, описывающее заглавия данного типа, таково:

- множество первичных элементов разбито на два подмножества: все мыслимые лингвистические явления (левая часть) и все мыслимые материалы исследований (правая часть);
- множество аксиом пусто;
- множество правил вывода включает единственное правило, которое разрешает все парные сочетания элементов левой и правой части.

Пусть ввиду вариантности языка всякое заглавие можно облечь в слова не более чем k различными способами, сохраняющими его смысл. Тогда ясно, что при числе q_A лингвистических явлений, известных науке нашего времени, и числе q_B различных материалов, на которых лингвист может основать свою работу, произведение kq_Aq_B есть наибольшее число всех конкретных формулировок заглавий рассматриваемого типа. Эту оценку верхнего предела можно далее понизить, если принять следующую гипотезу.

Заметим, что и множество явлений, и множество материалов иерархизированы от общего к частному. Явлением могут быть:

1. Все языковые черты материала исследования.

2. Предмет одного большого раздела лингвистики (*фонетика, лексика, морфология*).

3. Предмет одной специальной области лингвистики (*акцентная система, коннотативные аспекты семантики, словообразование глаголов*).

...следует еще несколько уровней...

L – 1. Небольшая группа языковых фактов.

L. Индивидуальный языковой факт (одна фонема, лексема, грамматическая форма).

Материалом могут быть:

1. Все языки мира.

2. Одна семья или группа языков.

3. Один язык (*лакский язык, современный французский язык*).

...следует еще несколько уровней...

R – 1. Небольшая группа текстов, объединенных, например, по признаку авторства (*язык Юрия Крижанича, поэзия Бориса Пастернака*).

R. Индивидуальный текст.

Иерархии явлений и материалов, которые насчитывают, соответственно, *L* и *R* уровней, назовем для краткости левой и правой иерархиями. Пусть в заголовок своей работы лингвист решил вынести явление, относящееся к *i*-му уровню левой иерархии, и материал, относящийся к *j*-му уровню правой иерархии. Тогда необходимо, чтобы

$$n \leq i + j \leq N,$$

где числа *n* и *N* характеризуют сложившиеся в сознании научной общественности пределы, соответственно, широты и узости темы. Исследования с $i + j < n$ должны быть выдающимися, фундаментальными трудами, как *Курс общей лингвистики* Соссюра (явление – вся лингвистика, материал – все языки мира, $i + j = 2$), а исследования с $i + j > N$ должны, по-видимому, наряду с узкоспециальными данными содержать глубокие обобщения. Поскольку «коридор» широты-узости темы существует не только во всем языкознании, но и в каждом его научном жанре, пределы *n* и *N* для разных жанров могут определяться особо.

Строгим доказательством вышеизложенной гипотезы я не располагаю. Но с ее помощью, между прочим, может быть объяснена известная лингвистам неявная обратная зависимость между длиной заглавия и длиной текста какого-либо произведения, в частности, научной работы [1]. Кроме того, если на основе шести приведенных выше заглавий диссертаций 2009 г. перебрать все возможные пары «явление – материал», обнаружится, что некоторые пары порождают заглавия, неоптимальные для жанра кандидатской диссертации. Так, тема *Семантика и прагматика современного французского языка* была бы чересчур широкой (явление – два раздела лингвистики, материал – один язык, $i + j = 5$; название для

вузовского учебника), а тема *Словообразование глаголов в языке Юрия Крижанича* чересчур узкой (явление – специальный лингвистический вопрос, материал – группа текстов, $i + j = R + 2$; название для небольшой статьи).

В рамках этого доклада осталось оценить величины q_A , q_B , L , R . Число q_A всех мыслимых лингвистических явлений имеет в настоящее время порядок 10^3 или 10^4 , о чем можно судить на основе тезаурусов [3] и [5], содержащих по несколько тысяч терминов. Глубина L иерархии лингвистических явлений составляет, по данным С.Е. Никитиной, 7 ± 2 . Исследовательница связывает это с объемом непосредственной памяти человека: «Самое широкое понятие (вершина иерархического дерева) должно помниться при употреблении конкретного термина» [3, с. 56]. С числом q_B всех мыслимых материалов и глубиной R их иерархии дело обстоит сложнее. С одной стороны, только языков насчитывается несколько тысяч, не говоря уже о функциональных стилях, парадигмах речевых жанров, отдельных языковых личностях и отдельных текстах. С другой стороны, далеко не все языки, жанры, авторы, тексты когда-либо окажутся востребованы как материал исследования лингвистов: кроме порядка иерархического, надо принимать во внимание и порядок частотный. Так, по имеющимся наблюдениям, на постсоветском пространстве не менее половины диссертаций с индексом 10.02 выполняется на материале русского, английского, немецкого или французского языка (или двух из этих четырех). Ясно, что имеет место огромный разрыв между теоретической верхней границей q_B и числом материалов, актуальных для науки в данное время в данном регионе.

Несмотря на ряд проблемных и дискуссионных моментов, которые пока делают невозможной сколько-нибудь реалистичную оценку предельного количества заглавий вида «Явление A в материале B », я полагаю, что построенная формальная модель имеет свои перспективы. В особенности более тщательному анализу следует подвергнуть ее математическую сторону, чтобы в конечном счете можно было поручить проверку корректности названий и / или синтез новых названий языковедческих работ компьютеру.

Литература

1. Карпов В.А. Язык как система. – 2-е изд. М., 2003.
2. Мечковская Н.Б. Игровое начало в современной лингвистике: избыток сил или неопределенность целей? // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006. – С. 30–41.
3. Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (автоматическая обработка текста). М., 1978.
4. Новиков П.С. Элементы математической логики. – 2-е изд. М., 1973.
5. Тезаурус информационно-поисковый по языкознанию. М., 1977.
6. Третьи чтения, посвящённые памяти профессора В.А. Карпова: сб. ст. Минск, 2009.